

НА ЦЕКОВСКОМ КОВРЕ: «ДЕЛО И. М. ЗАЛЬЦМАНА» НА РАССМОТРЕНИИ В КОМИССИИ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК ВКП(б). 1949 ГОД

А. В. Сушков

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук, Екатеринбург, Россия.
suschkow@mail.ru

В июле 1949 г. на рассмотрение Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) поступило «дело И. М. Зальцмана» – бывшего директора Челябинского Кировского завода. Партийные следователи дополнили ранее выдвинутые в адрес Зальцмана обвинения сведениями о незаконном расходовании им государственных средств, включая траты на личное обогащение. Среди прочих обвинений были преподношение дорогостоящих подарков бывшему ленинградскому начальству и оказание материальной помощи Московскому государственному еврейскому театру. Именно эти обвинения стали ключевыми в постановлении бюро Комиссии об исключении Зальцмана из партии. Исходя из политической конъюнктуры, желая подчеркнуть тяжесть проступков Зальцмана, цековское начальство решило, чтобы в итоговом документе прозвучали крупные политические процессы последнего времени. Вместе с тем действия И. М. Зальцмана были квалифицированы лишь как политически недостойное поведение, что не предполагало его уголовного преследования. Лишение директорского поста и партбилета, назначение на рядовую инженерную должность Сталин счел достаточным для Зальцмана наказанием и не стал санкционировать его уголовное преследование.

Ключевые слова: *И. М. Зальцман, Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), партийно-государственная система власти, период «позднего сталинизма», г. Челябинск, Челябинский Кировский завод.*

Воспоминания И. М. Зальцмана в течение многих лет являлись основным источником, где раскрывались обстоятельства рассмотрения его «дела» в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в 1949 г. В своих поздних автобиографиях, в письмах и интервью, среди которых следует отметить знаменитое интервью ленинградскому корреспонденту А. А. Гервашу, положенное в основу газетной статьи «Танковый нарком» (газета «Труд» от 13 октября 1988 г.), И. М. Зальцман описывал историю о том, как пал жертвой «ленинградского дела». Как, несмотря на страшные угрозы и заманчивые посулы, исходившие от первых лиц государства, рискуя оказаться за решеткой, а то и расстаться с жизнью, наотрез отказался давать компромат на арестованных ленинградских руководителей А. А. Кузнецова, Я. Ф. Капустина и других. Завершая повествование, Зальцман рассказывал, как был исключен из партии с формулировкой «за финансовые нарушения и неверный стиль работы», давая тем самым понять, что эти обвинения были надуманными и не соответствовали действительности [Герваш: 1988, С. 4; Шнейвайс: 2000, С. 7]¹.

Позднее публикация в «Труде» легла в основу изложения «дела Зальцмана» известным рос-

¹ Зальцман, И. М. Моя автобиография / И. М. Зальцман // Музей Челябинского тракторного завода, Дело персональное № 95. Ф. I. Р. II, П. III. Инв. № 2114(а). Л. 10–11.

сийским историком Г. В. Костырченко. В 1994 г. вышла его работа «В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие», где были приведены обстоятельства отставки и исключения из партии И. М. Зальцмана. В несколько отредактированном виде раздел о Зальцмане вошел в его более позднюю монографию «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм» [Костырченко: 1994, С. 260–263; Костырченко: 2003, С. 616–618]. Следом за Г. В. Костырченко отечественные и зарубежные историки стали называть «ленинградское дело» и кампанию по борьбе с космополитизмом основными, а порой – единственными причинами опалы одного из известнейших в стране капитанов советской индустрии. «Тайная политика Сталина...» Г. В. Костырченко начала выступать в роли основного ориентира для специалистов, обращавшихся к этому сюжету [ЦК ВКП(б)...: 2004, С. 244; Гвоздецкий: 2010, С. 153–155; Самуэльсон: 2010, С. 264–265, 336–337].

Безусловно, когда в 1970-е и 1980-е гг. И. М. Зальцман излагал свою версию событий, то искренне полагал, что документы высших партийных инстанций еще многие десятилетия, а возможно, – никогда не увидят свет, точно так же, как они не были обнаружены при его жизни. С

введением в научный оборот новых архивных документов появляется возможность восстановить события, непосредственно связанные с «делом Зальцмана».

В июне–июле 1949 г. верховная власть предъявила И. М. Зальцману ряд обвинений, которые были изложены в записке комиссии секретаря ЦК ВКП(б) П. К. Пономаренко на имя И. В. Сталина. Среди них – невыполнение заводом планов выпуска тракторов и танков; грубо оскорбительное, унижающее человеческое достоинство отношение к людям и запугивание руководящих инженерно-технических работников завода; нарушение принципов подбора кадров («в деле подбора и расстановки кадров т. Зальцман не руководствовался большевистскими принципами оценки работников по их деловым и политическим качествам, а окружал себя подхалимами и жуликами, в деловом отношении малоценными, а в некоторых случаях и политически сомнительными людьми»); злоупотребление служебным положением в личных целях отдельными руководящими работниками завода, попустительство им со стороны Зальцмана и его усилия освободить их от ответственности; пренебрежительное и высокомерное отношение к местным партийным органам и оскорбления отдельных руководящих работников райкома, горкома и обкома партии; грубый «зажим критики и самокритики» с удалением с завода критикующих Зальцмана заводских коммунистов. Заодно досталось и челябинскому партийному начальству: «Таким образом, обком и горком ВКП(б) также повинны в непартийном поведении Зальцмана, заглядывали ему в рот, не призвали его ни разу к порядку, подходя к вопросу обывательски и беспринципно, боясь его связей и заслуг. Челябинский обком ВКП(б) не проявил политического понимания того, что своим поведением Зальцман наносит огромный урон делу, подрывает престиж партии и правительства»¹.

Решением Секретариата ЦК ВКП(б) от 1 июля 1949 г. И. М. Зальцман был снят с поста директора Челябинского Кировского завода. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) получила указание рассмотреть материалы о его «непартийном поведении». Е. В. Мамонтов был освобожден от обязанностей второго секретаря Челябинского горкома ВКП(б). Третьим пунктом предписывалось «вопрос о неправильном отношении к непартийным поступкам Зальцмана со стороны Челябинского обкома ВКП(б) рассмо-

треть на заседании Секретариата ЦК с вызовом т. Белобородова». 11 июля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило отставку И. М. Зальцмана².

Спустя неделю после принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б), 19–20 июля, в Челябинске в заводском театре состоялось собрание партийного актива Кировского завода. Для участия в его работе в Челябинск приехали важные московские чиновники, недавно занимавшиеся проверкой работы завода и его директора: завсектором ЦК А. П. Панин, партийный следователь А. Я. Новиков, министр И. И. Носенко и его заместитель И. А. Лебедев. Челябинское областное руководство представляли второй секретарь обкома А. В. Лесков и председатель облисполкома Г. А. Бездомов³. Белобородов в это время находился в отпуске.

«На повестке дня стоит вопрос о постановлении ЦК ВКП(б) об антипартийном поведении Зальцмана», – на правах председательствующего объявил парторг ЦК А. Г. Ульяненко. С докладом перед собравшимися выступил А. П. Панин⁴. Если судить по развернувшимся прениям и принятому постановлению (стенограмма доклада в деле отсутствует), в основу доклада Панин положил записку комиссии П. К. Пономаренко на имя Сталина. Собрание заводского партактива в данном случае являлось не просто обычной партийной рутинной – обязательным элементом сталинской «внутрипартийной демократии», а имело вполне конкретное утилитарное значение: верховная власть стремилась услышать от заводского коллектива новые факты «антипартийного поведения» их недавнего директора, а также о взаимодействии с бывшим директором местного партийного начальства. Особенно это было важно в преддверии разбирательств по «делу Зальцмана» в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Выходившие к трибуне заводские коммунисты, разумеется, одобряли решение ЦК. Секретарь парторганизации агрегатного цеха Михалев от себя лично и от имени всех присутствующих под аплодисменты зала благодарил цеховскую комиссию за «большую работу, которую они провели на заводе и оценили работу завода». «Товарищи, присутствующие делегаты с большим удовлетворением восприняли решение ЦК ВКП(б) по Зальцману, – заявил начальник охраны завода Косьяненко. – И это неслучайно: народ

² Там же, Оп. 116. Д. 442. Л. 62; Оп. 118. Д. 448. Л. 126.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО), Ф. П-124. Оп. 1. Д. 904. Л. 1–2.

⁴ Там же, Л. 2–3.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 131–143.

на заводе этого и ждал. Может быть, это решение незаконченное. Но то, что Зальцмана не стало на заводе, весь рабочий класс вздохнул здоровой жизнью». Электрик ремонтно-механического цеха Новиков с трибуны радостно сообщал: «Товарищи, сегодня наступил тот день, который долгое время в течение пяти-шести лет ожидал наш Кировский коллектив. Этот день радостный, когда на нашем заводе восторжествовала правда!». Начальник цеха металлоконструкций, старый партиец Белостоцкий, напротив, начал речь с мрачных красок: «Товарищи, последние восемь лет нашей работы в заводе являются периодом мрачным, периодом гонения в отношении работников завода со стороны Зальцмана». Директор фабрики-кухни Назарьян призывал с партийной непримиримостью выкорчевать на заводе остатки «зальцмановщины». Мастер корпусного цеха Щербаченко заявил, что «ЦК партии вывернул наизнанку гнилое нутро директора завода»¹.

Выступающие теперь без опасений награждали Зальцмана разными эпитетами. Тот же Михалев сказал, что Зальцман на заводе был царь и бог. Начальник охраны завода Косьяненко заявил: «Зальцман мнил себя львом по злобности, слоном – по бескультурности и карьеристом – по партийности». Белостоцкий назвал директора индийским князем, Назарьян – распоясавшимся воеводой. Инспектор по оборудованию ремонтно-механического цеха Камышев назвал Зальцмана «троцкистом, который издевался над людьми», заявил, что нужно было не награждать Зальцмана, «а давно его в тюрьму посадить: он обирал людей, морил людей, а ему орденов надавали»².

Заводские коммунисты вполне оправдали ожидания представителей ЦК. В ходе заседания актива заводчане привели новые многочисленные факты грубости Зальцмана, его угроз в адрес заводского командного состава. Инспектор УРСа Гросс подтвердил (наверняка, сам того не подозревая) описанный в письме Алехина в ЦК ВКП(б) эпизод с оскорблениями в адрес начальника цеха Анискина, свидетелем чему он был сам. Начальник отдела коммерческого управления Саванин рассказал об одном совещании в третьем механическом цехе в три часа ночи, когда старший мастер Катков обратился к Зальцману с просьбой о помощи цеху, но в ответ от директора услышал, что помогать он им не будет, а его, Каткова, положит под пресс и тогда будет дополнительная программа. Самому Саванину пообещал

сделать из него торсион для танка [Сушков: 2015(с), С. 96, 100–101]³.

Начальник бюро технического контроля второго механического цеха Варзов рассказал, как в конце 1948 г. Зальцман собрал всех инженерно-технических работников цехов танкового производства, вместо практических указаний обозвал всех паразитами и на этом совещание закрыл. В том же году около полуночи директор пришел в цех, обругал «похабными словами» сменного начальника, сорвал с него кепку и бросил ее на пол.

Кроме того, Варзов рассказал об одном случае, который поразил работников второго механического цеха. Один из ветеранов завода, Иван Васильевич Васильев, проработавший в цехе 47 лет, по состоянию здоровья в результате потери трудоспособности вынужден был уволиться. «При увольнении администрация цеха обратилась к товарищу Зальцману с ходатайством о поощрении товарища Васильева за длительную и плодотворную работу на заводе, – сообщил Варзов. – Зальцман ничего другого не сделал, кроме как объявил благодарность и сохранил пропуск на территорию завода. Рабочие тогда прямо заявили, что если у директора были средства отпустить на свадьбу по 20 тысяч, платить футболистам за каждый забитый гол, а старику Васильеву не нашлось денег, то это еще более позорит звание члена партии»⁴.

«Зальцман считал, что мы [челябинские рабочие] – ничто, вроде неполноценной нации, если сравнить со взглядами фашистов, – заявил с трибуны И. С. Белостоцкий. – Эта вечная гримаса пренебрежения к людям выражала отношение его к людям». Белостоцкий рассказал, как в 1943 г. на одном из заседаний директор высказался в адрес начальников цехов: «Эх, с каким бы наслаждением расстрелял бы из вас человек десять!», реакция на это второго секретаря обкома Баранова была такова: «Слушайте, Исаак Моисеевич, зачем волнуетесь? Вы укажите, кого?»⁵.

Участники актива озвучили также новые факты коррупции на заводе. Инспектор по оборудованию ремонтно-механического цеха Камышев рассказал о незаконных операциях по отделу капитальных работ. Через этот отдел продавались станки «на сторону», всего было продано приблизительно на 1 миллион 800 тысяч рублей. Начавшиеся на предприятии проверки вынудили заинтересованных лиц «прятать концы в воду»:

³ Там же, Л. 9. 14.

⁴ Там же, Л. 41–42.

⁵ Там же, Л. 43–44.

¹ Там же, Л. 5. 23, 35, 42, 52, 66.

² Там же, Л. 5. 13, 23, 42, 50.

они заставляли главного механика принять давно проданные станки на баланс его службы¹.

Секретарь парторганизации УРСа Капустин, упомянув об осужденной за махинации «группе Довжика», стал говорить о тех, кто на тот момент сумел избежать наказания (по всей видимости, имея в виду заказы для завода № 100, о которых писал в ЦК А. М. Зверев [Сушков: 2014, С. 110]): «Есть вторая группа, которая притаилась и молчит. Вот Золотарев – легко отделался на партийном бюро, поклялся уплатить полученные деньги. Я не проверял, уплатил он или нет. Думаю, что не уплатил, потому что сумма солидная. Остался же и притаился». Секретарь парторганизации Керамического завода Белобородов рассказал, как начальник транспорта управления вспомогательных служб завода (УВС) Вайман «<...> возил на машине сено, продавал каждую машину [сена] за 2,5 тысячи, и клал деньги в карман», что начальник водоканалцеха Б. С. Вольфсон присвоил себе 20 тысяч рублей, а начальник УВС Айзенберг его покрывал².

Начальник заводского складского хозяйства Никифоров поведал, как недавно на низовой парторганизации разбирали «дело личного пилота Зальцмана» Попова: «Спирт на самолет выписывал сам Зальцман лично. В расход списывал тоже лично. В результате летчика привлекают к ответственности за расхищение сотен литров спирта». Рассказал о спекуляциях летчика Попова, как он по разрешению Зальцмана дважды покупал в Москве автомашины, загружал их в самолет и доставлял в Челябинск, где с наценкой перепродавал; как заказывал на заводе мебель, а затем выгодно ее перепродавал³.

Вышедший к трибуне Назарьян остановился на «барских развлечениях» Зальцмана и его семьи: «Наверное, товарищи помнят тройки [лошадей] в голодные годы, когда он раскатывался на масленице. Наверное, товарищи помнят, как кормили живыми курами лисят на потеху детям Зальцмана, а рабочие в то время голодали».

Назарьян, будучи директором фабрики-кухни, был свидетелем многочисленных историй «барских гуляний», чего не скрывал на активе. Он рассказал, как жена Зальцмана посылала своего шофера на фабрику-кухню за пивом, объясняя по телефону «непонятливому» Назарьяну: «Разве вам не ясно? Это мой шофер, выдайте ему пиво!». Сообщил про банкет в 1948 г. после избрания Зальцмана членом парткома на заводской

партконференции и последующие предложения председателя завкома Богданова расплатиться из средств, предназначенных для диетического питания рабочих; как гуляли на заводе заводские комсорги, требовавшие спиртное: «Назарьян, дай водки! Назарьян, дай водки, Исаак заплатит!». И Исаак, по свидетельству Назарьяна, щедро платил⁴.

Некоторые заводские коммунисты красочно живописали заводские реалии. «Я лично от него [Зальцмана] не получал ни унижений, ни оскорблений, выполнял свой долг, – говорил начальник охраны завода Николай Семенович Косьяненко. – Но в жизни получилось так, что рабочие за килограмм соли, за килограмм олифы попадали под суд. Наши законы карали за расхищение социалистической собственности, но это когда касалось рядовых рабочих, которые, может быть, действительно в силу тягчайших материальных условий вынуждены были в какой-то степени что-то взять. А когда касалось организованных хищений социалистической собственности, когда занимались этим высокопоставленные люди, они находили покровителя в лице Зальцмана, который пользовался депутатскими правами и высоким положением. Я из любопытства пошел на суд, когда суд разбирал «дело Литвака». Вместо того чтобы Литвака привлечь к уголовной ответственности, так чуть-чуть суд не присудил списать всё с завода, чтобы завод понес все расходы, потому что юрист не нашел времени выступить. Рабочие говорили, что юрист выступает в качестве адвоката [дирекции] когда беременные, когда аборт, а сюда не пришел, когда защищались интересы завода»⁵.

Не прошли заводские коммунисты и мимо потакания действиям Зальцмана со стороны местных властных структур. Самый первый выступающий в прениях секретарь партбюро цеха № 300 Орлов поставил вопрос об ответственности партийных инстанций в «деле Зальцмана»: «Знал ли об этом партийный комитет Кировского завода? Знал, безусловно. Знал ли об этом горком партии? Знал. Принимал ли меры? Как видно, принимал, но меры были недостаточны, начинали, но не заканчивали. Где же партийная принципиальность у наших партийных руководителей?»⁶.

Критиковали партком, как правило, – в целом, обезличенно и другие выступавшие на активе. Тем, кто персонализировал критику в адрес партийных инстанций и «дошел» до первых лиц об-

¹ Там же, Л. 13.

² Там же, Л. 27, 34.

³ Там же, Л. 38.

⁴ Там же, Л. 50–51.

⁵ Там же, Л. 24.

⁶ Там же, Л. 4.

ласти, стал мастер заводской автобазы Перцев. «Товарищи, долгое время я слышал разговор среди членов партии о том, что в нашей партийной заводской организации резко зажимают критику и что это проходит под покровительством товарища Белобородова, – с места в карьер заявил Перцев. – Я долго верить этому не мог и только с этой целью решил выступить на отчетно-партийной конференции и проверить это. Только с этой целью я и выступил, критикуя недостатки в работе отдельных товарищей. Сам ход конференции подтвердил слышанный мною разговор. Отчет товарища Мамонтова был не самокритичным, товарищи Мамонтов и Зальцман одергивали критикующих, а товарищ Белобородов в своем выступлении посоветовал товарищу Зальцману вести свои личные дела немного поосторожнее»¹.

Перцев рассказывал о хитростях, к которым прибегало партийное начальство, чтобы провести в состав парткома Зальцмана и других нужных людей. Речь Перцев повел о последней, февральской, районно-заводской партконференции. Выступающий указал на непосредственную причастность к этому действию Белобородова, опасавшегося того, что «<...> товарищ Зальцман и ряд других лиц не пользуются авторитетом и могут быть забаллотированы». Мало того, Перцев достаточно резко и весьма смело высказался о «примиренческой» политике Белобородова по отношению к Зальцману и низком авторитете первого секретаря обкома как результате такой политики: «Поведение товарища Белобородова в этом вопросе не было в интересах партии, поэтому естественно в сознании отдельных членов партии товарищ Белобородов перестал быть руководителем областной партийной организации»².

Следующим, кто заговорил об ответственности Белобородова, стал уже знаменитый «антизальцмановец» А. М. Зверев. «Партком и в первую очередь парторг Мамонтов, райком, да и обком партии, и особенно товарищ Белобородов (я не говорю уже о завкоме и, главным образом, о его председателе Богданове, который не только не боролся, но сам наталкивал Зальцмана на непотребства), знали, видели небольшевистский стиль руководства Зальцмана, все его дела и поведение, и не делали большевистских выводов, – громил с трибуны Зверев. – Более того, наряду с робкими попытками подправить, исправить, настроить Зальцмана на партийный лад чаще защищали его от критики, а по сути дела, зажимали партийную критику в отношении директора завода Зальцмана».

Зверев перечислил фамилии пострадавших зальцмановских критиков, о которых в докладе Панина не говорилось: Самохвалов, Артемова, Бережной, Назарьян. При этом сделал акцент на расправе над Бережным и участии в этом Белобородова. «Как товарищ Белобородов обернул “дело” в своем выступлении на партактиве тогда? – говорил Зверев, по ошибке называя заводскую конференцию, где выступал Бережной, активом. – Он заявил, что, конечно, обком проверит заявление Бережного и, если подтвердится, то с товарища Зальцмана взыщем, но если не подтвердится, то уже не взыщите, товарищ Бережной, а пока вас придется попридержать на заводе. И этот тон угрожающий был настолько тенденциозным, что тогда всем было понятно, на чьей стороне стоял секретарь обкома» [Сушков: 2015(b), С. 91–109]³.

«Обкому партии, в частности товарищу Белобородову, нельзя было прикрывать Зальцмана теплым крылышком», – заявлял на активе секретарь парторганизации УРСа Капустин и вспоминал о карикатуре, вывешенной в здании, где проходила Челябинская городская партийная конференция, на которой был изображен Зальцман, а железным щитом его прикрывали секретарь горкома Панкрушев и обком партии⁴.

Весомый «камень в огород» Белобородова кинул бывший второй секретарь Тракторозаводского райкома А. М. Самохвалов: «Я считаю, что многие здесь выступающие неслучайно заявляют о том, что у нас так не говорили раньше, что критика у нас не в почете не только на заводе, а в райкоме. Я должен со всей партийной ответственностью заявить, что эту критику не любит в первую очередь областной комитет партии и его секретарь Белобородов».

Самохвалов напомнил о знаменитом резонансном выступлении Назарьяна на партактиве о «свадебном деле» [Сушков: 2015(a), С. 83–88] и о том, какое участие в «уничтожении» Назарьяна принял первый секретарь обкома Белобородов. «Спрашивается, кто дал руководителю областного комитета партии право игнорировать указания [Сталина], [игнорировать] хотя бы и ту критику, которая идет снизу, где может быть 5–10 процентов правды?! А Назарьяна за что избили? За правду! Расчихвостили так, что от него, извините меня за выражение, и пуха не осталось!»⁵.

Поведал Самохвалов, как и его после критики Зальцмана стали «сплавлять» в горторг, в оргот-

¹ Там же, Л. 5–6.

² Там же, Л. 6.

³ Там же, Л. 17–18.

⁴ Там же, Л. 28.

⁵ Там же, Л. 29–30.

дел горкома, парторгом ТЭЦ, а потом – в партшколу, и как в его «трудоустройстве» участвовал сам Белобородов. С трибуны актива Самохвалов предъявил претензии к сидевшему в президиуме второму секретарю обкома А. В. Лескову, что тот присутствовал на последней заводской партконференции в феврале 1949 г. и ни слова не произнес по поводу выступления Зверева о коррупции на заводе. Самохвалов в адрес областного партийного начальника № 2 был весьма дерзок: «А позволительно спросить Вас, здесь присутствующего секретаря. Вы присутствовали на прошлой конференции, а почему не нашли смелости и мужества сказать: да, вот это ты сказал правильно, а вот это – неправильно, мы разберемся и привлечем как надо к ответственности виновных». «Зацепил» в очередной раз и Белобородова, что он на той же конференции выступал, «<...> но ни одним словом не обмолвился о выступлении Зверева»¹.

Директор фабрики-кухни Д. Т. Назарьян подробно рассказал о том, что его ждало после критики И. М. Зальцмана на партактиве в 1946 г.: как Белобородов его «избил» на заводской партконференции и что именно Белобородов дал санкцию на то, чтобы снять Назарьяна с партийной работы². Как уже говорилось, Белобородова на конференции не было, поскольку он находился в отпуске. Возможно, поэтому критика в его адрес – действующего главы области – была столь откровенной и достаточно резкой.

Обращают на себя внимание выступления на партактиве двух высокопоставленных челябинских партийных чиновников – бывшего и действующего – Е. В. Мамонтова и А. В. Лескова. Несмотря на полное согласие с принятым ЦК ВКП(б) решением, Мамонтов продолжал упрямо твердить о «перевоспитании» Зальцмана: «Конечно, более приятно было бы и ЦК партии, и коллективу завода, если бы партийная организация завода сумела перевоспитать и сохранить бывшего директора Зальцмана как достойного директора уважаемого завода. Однако решение ЦК партии состоялось потому, что мы этого сделать не сумели, в частности, я как руководитель партийной организации, как парторг ЦК на этом заводе».

По Мамонтову, «воспитание» Зальцмана проходило под его руководством небезуспешно. Как рассказал Мамонтов, после районного партактива и заводской конференции 1946 г. он получил указание областного комитета партии: надо со-

хранить Зальцмана, перевоспитать его. «Я понял это и был согласен с этим указанием областного комитета партии, и взялся за это дело совместно с партийным комитетом завода, – заявил Мамонтов. – Работали там над ним, улучшилось его поведение, стал бывать на парткоме и завкоме, советоваться и помощи просить, стал бывать в цеховых партийных организациях, ругаться меньше стал».

Мамонтов отметил, что этим изменениям в поведении директора было придано слишком большое значение, «в областном комитете партии ставили в пример Зальцмана другим директорам», Мамонтову это вскружило голову, и потому факты «непартийного поведения» Зальцмана на парткоме не разбирались. Иначе говоря, успехи в «перевоспитании» были, но не столь значительны, к тому же парторганизации не удалось сохранять последовательность в действиях. Далее по высказываниям Мамонтова выходило так, что ЦК партии не стал дожидаться окончания «процесса перевоспитания» Зальцмана: «Но пока мы его перевоспитывали, время нас опередило». Чуть позже Мамонтов, сетуя, что не обращался в ЦК ВКП(б), думал, что справится с «воспитанием» Зальцмана самостоятельно, вновь повторил: «А сил не хватило. Время нас опередило»³.

Совсем странной выглядела оценка Е. В. Мамонтова «зажима критики» на Челябинском Кировском заводе. По его мнению, ситуация была не так уж драматична: «Правильно [ЦК ВКП(б)] говорил о зажиме критики. Я не скажу, что у нас был грубый зажим критики». Мамонтов пояснил, что имел в виду: «Может быть, моя ошибка, что убрали товарища Захарову. Но я имел указания товарища Лашина, что она не может работать из-за мужа, и я выполнил его указание. Я тогда только еще начинал работать, но я должен был сказать, что товарища Захарову нельзя было отпускать из парткома, так как мог быть разговор о зажиме критики. То же самое и с товарищем Бережным, Назарьяном»⁴.

То есть факты гонений заводских коммунистов, выступавших с критикой в адрес И. М. Зальцмана, выискивание в их работе мнимых недостатков, зацепок в личной жизни и «анкетных данных», лишение их работы на заводе, что часто было равнозначно лишению средств к существованию, травля их на партийных собраниях, угрозы уголовным наказанием и тому подобное, по мнению Мамонтова, не свидетельствовали о «грубом зажиме критики». Захарову «нельзя

¹ Там же, Л. 30–32.

² Там же, Л. 51–52.

³ Там же, Л. 63–64.

⁴ Там же, Л. 63.

было отпускать из парткома» (так Мамонтов обозначил ее увольнение), «так как мог быть разговор о зажиме критики» (то есть Мамонтова больше интересовала квалификация, внешняя оценка отставки Захаровой по «партийному кодексу», нежели сама суть дела – расправа над неугодными) [Сушков: 2015(a), С. 82–83; Сушков: 2015(b), С. 91–108].

Вряд ли можно вести речь о незрелости Мамонтова как партийного руководителя или его способности лишь транслировать директивы верховной власти и неспособности воспринимать их (ведь в будущем этого человека ожидали весьма высокие партийные посты). Вероятнее всего, речь идет о его вполне сформировавшейся жизненной позиции. Неудивительно поэтому, что «дело Зальцмана» ничему не научило этого чиновника, и в будущем Е. В. Мамонтова вновь ждали громкие коррупционные скандалы. Выражаясь словами мастера корпусного цеха Щербаченко, если ЦК партии вывернул наизнанку «гнилое нутро» директора завода, то «гнилое нутро» Е. В. Мамонтова, в том числе благодаря действиям руководителей страны, осталось нетронутым.

Нужно отдать должное Панину: он не пропустил мимо ушей высказывания «зальцмановского подручного». «Врезав» Мамонтову за его мнение, что Челябинскому Кировскому заводу сейчас нужен не просто администратор, как раньше, а вождь и воспитатель масс, Панин перешел к проблемам «воспитания» Зальцмана, а заодно – «воспитания» самого Мамонтова: «Дальше товарищ Мамонтов выставил второй тезис: пытались исправить Зальцмана, но вся беда в том, что время нас опередило; мы его пытались перевоспитать, но не успели. Это смутное толкование вопроса. Чтобы было ясное его толкование со стороны товарища Мамонтова, нужно было бы просто сказать о том, что Мамонтов, зная о неправильных действиях Зальцмана, никаких мер не принимал. Не принимал также мер борьбы со злоупотреблениями, которые имели место на заводе. Товарищ Мамонтов знал о хамстве, о грубости, иногда по существу об антисоветском поведении Зальцмана, но мер не принял потому, что Мамонтов был на поводу у Зальцмана. Вот всё, и никакого вымысла о том, что время определило. И не нужны, и не следует путать сидящих здесь товарищей этими вашими вымыслами. Вы наделали много ошибок, работая секретарем партийного комитета и парторгом ЦК на заводе, потому что вы шли на поводу у Зальцмана и заглядывали ему в рот. Это ваша беда. Вы оказались недостаточно политически зрелым руководителем и поэтому допустили серьезные

ошибки, и ваша трактовка этих ошибок, которую вы здесь излагаете, неправильна»¹.

Небезынтересна была также речь второго секретаря обкома ВКП(б) А. В. Лескова на партийном активе. Он тщательно продумал линию поведения в сложившейся обстановке: какие собственные ошибки ему следует признать и какие ошибки других партийных начальников ему нужно подвергнуть критике. Секретарь обкома приложил максимальные усилия для того, чтобы его собственные ошибки не слишком бросались в глаза на фоне промахов других партийных чиновников и не стали катастрофичными для его успешной партийной карьеры.

Скрыть свою причастность к удалению А. М. Зверева с завода Лесков был не в состоянии. Тем не менее даже эту ситуацию он попытался повернуть в свою пользу. Лесков принялся откровенно лгать, когда рассказывал, почему дал санкцию на отставку Зверева. Виноват в этом, по версии Лескова, был исключительно Мамонтов, а сам Лесков якобы даже не подозревал об истинных причинах расправы над Зверевым: «Слишком легко я поверил товарищу Мамонтову о морально-бытовом разложении товарища Зверева и на этом основании дал согласие о переводе его с партийной работы на хозяйственную работу ЧМЗ»².

Выходило так, будто Лесков поверил, что истинной причиной отставки Зверева стало то, что последний когда-то стукнул и обматерил тещу, а отнюдь не недавнее разоблачительное выступление на районно-заводской конференции, которое из президиума слушал Лесков. Лесков будто бы также поверил, что целый год парткому завода понадобилось на принятие решения об отставке Зверева по «тещиному делу», хотя взыскание на Зверева было наложено незамедлительно, еще в марте 1948 г. Именно такую «историю» матерый партфункционер, нацепив на себя маску наивного юноши, принялся излагать с трибуны партактива.

Вторая «ошибка», которую признавал за собой Лесков, это то, что он не сумел убедить А. М. Зверева, которого всё устраивало на металлургическом заводе, вернуться на Кировский завод. Лесков признавался, что «тем самым усугубил положение дел с зажимом критики». Нужно ли говорить, что такая «ошибка» абсолютно ничем не угрожала удачно складывавшейся карьере Лескова. Ведь по словам «каявшегося» партийного чиновника, виновным выходил сам Зверев, не пожелавший покинуть новое место работы.

¹ Там же, Л. 82.

² Там же, Л. 76.

Лесков предпочел скромно умолчать о том, что во всём потакал Зальцману, стремился с ним не конфликтовать и не пререкаться, никогда не ставил на своем горкомовском уровне вопрос о привлечении его к ответственности, мало того, пресекал попытки других сделать это. Не стал Лесков отвечать и на «дерзкий» вопрос А. М. Самохвалова, почему на последней районно-заводской партконференции тот предпочел отмолчаться по поводу выступления А. М. Зверева, не нашел в себе смелости и мужества проанализировать сказанное Зверевым на предмет соответствия действительности. Сделать это (в какой-либо форме отреагировать на выступление Зверева) Лесков был обязан хотя бы потому, что именно он как второй секретарь обкома ВКП(б) по распределению обязанностей отвечал за работу промышленности.

Также Лесков совершенно «забыл», как буквально несколько недель назад в ЦК он отстаивал Зальцмана, заявлял о его «исправлении» за последнее время и о том, что замены ему нет. Зато Лесков не забыл указать на виновность А. А. Белобородова, который, по его словам, виноват был если не во всём, то во многом: «Виноват в такой создавшейся обстановке и первый секретарь обкома партии товарищ Белобородов, который не задал должного тона в работе и сам сделал ряд конкретных ошибок, за которые он будет через несколько дней отчитываться на Секретариате ЦК партии»¹.

Над А. А. Белобородовым в то время, пока он был в отпуске, действительно сгустились тучи. Вполне возможно, что Лесков как человек № 2 в областном руководстве и явный претендент на кресло № 1 решил воспользоваться ситуацией в своих интересах.

Партийный актив завода (исключительный случай!) в констатирующей части постановления «указал» первому секретарю обкома ВКП(б): «Областной комитет ВКП(б) и лично первый секретарь обкома партии тов. Белобородов, зная о фактах непартийного поведения Зальцмана, проходил мимо этих фактов и сигналов, что развязывало руки Зальцману, способствовало зажиму критики его непартийных поступков и давало возможность удалять с завода неугодных Зальцману людей»². Правда, эта формулировка не вполне адекватно отражала роль первого секретаря обкома в изгнании «неугодных Зальцману людей»: Белобородов лично принимал участие в этом, а не только развязывал Зальцману руки.

Хотя следует признать, что факт появления такой фразы в постановлении собрания низовой парторганизации уже сам по себе свидетельствовал о недостаточно устойчивом положении А. А. Белобородова во властных структурах.

Цеховским представителям на заводском партийном активе пришлось столкнуться и с такой инициативой «снизу», которая никак не входила в их планы, потому как в случае с И. М. Зальцманом вторгалась в компетенцию самых высших инстанций.

В докладе на активе А. П. Панин проинформировал о решении передать «дело Зальцмана» в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б). Вышедший на трибуну актива начальник охраны завода Косьяненко в ходе выступления дважды заявил о необходимости исключения Зальцмана из рядов ВКП(б). Вначале это прозвучало как рекомендация высшим партийным инстанциям: что самым правильным их решением будет исключение. В конце выступления Косьяненко вновь заявил, что необходимо «избавиться и в партии от такого, как Зальцман, он карьерист»³.

Однако первым, кто четко и категорично выдвинул требование об исключении из партии Зальцмана, стал А. М. Самохвалов. Бывший секретарь райкома в конце выступления заявил: «И последнее. Вношу предложение. Здесь в решении ЦК партии было записано, что о партийности Зальцмана будет решать контрольная партийная комиссия. Я заявляю, и чтобы учла партийная комиссия, и требую, чтобы Зальцмана из партии исключить!». Самохвалов сошел с трибуны под аплодисменты и возгласы из зала «Правильно!».

Вторым, кто заявил об исключении Зальцмана из партии, стал упоминаемый ранее начальник БТК цеха Варзов, рассказавший об отношении к ветерану цеха Васильеву: «Я поддерживаю заявление товарища Самохвалова, что не место в нашей большевистской партии таким людям»⁴.

Начальник корпусного цеха Лыков, тот самый, с которого Зальцман срывал кепку, предложил не ограничиваться исключением Зальцмана из партии: «Нужно просить Центральный комитет партии, партийно-контрольную комиссию, чтобы Зальцмана исключили из партии с треском, привлекли к уголовной ответственности за то, что он натворил много дел». Лыков предложил привлечь Зальцмана к ответственности за то, что оборудование и оснастку для производства трактора, которые были с трудом эвакуированы из Ленинграда, по прибытии в Челябинск выкину-

¹ Там же.

² Там же, Л. 90.

³ Там же, Л. 23–24, 26.

⁴ Там же, Л. 33, 42.

ли, растащили и раскидали, а потом после войны вынуждены были чуть не заново готовить выпуск трактора¹.

Таким образом, четыре человека из трех десятков выступивших в прениях так или иначе поставили вопрос о партийности И. М. Зальцмана. Неожиданно вновь он был поднят кем-то из зала во время обсуждения проекта решения партактива: «Товарищ Самохвалов в своем выступлении внес предложение о том, что Зальцману не место в партии в связи с теми преступлениями, которые были установлены комиссией ЦК партии. Я поддерживаю это предложение».

Удержать заводских коммунистов от вмешательства в компетенцию высших инстанций вызвался партийный следователь А. Я. Новиков. Указав на решение ЦК ВКП(б) поручить КПК рассмотреть вопрос о непартийном поведении Зальцмана, он призвал не вносить в постановление актива пункт об исключении из партии. При этом пообещал, что всё сказанное на активе будет доложено наверх: «Безусловно, те выступления и замечания, которые были, мы доложим Центральному комитету партии, но предрешать заранее вопрос, до разбора партийного контроля не следовало бы»².

Один из участников актива по фамилии Козлов уточнил требования актива, чтобы это не выглядело как предрешение вопроса о партийности Зальцмана: «Мы не решаем вопрос об исключении, а просим комиссию ЦК партии об исключении Зальцмана из партии». Председательствующий на заседании заместитель секретаря парткома завода К. Н. Воронин попытался предупредить и такие формулировки: «Комиссия партийного контроля учтет выступления коммунистов». Но с места не унимались: «Просить записать!».

В связи с такой настойчивостью Воронин был вынужден поставить на открытое голосование предложение: «Просить комиссию партийного контроля учесть выступления коммунистов на партийном активе об исключении Зальцмана из рядов ВКП(б)». Голосование должно было показать, насколько мнение нескольких человек, внесших предложение об исключении Зальцмана в ходе прений, и сейчас, во время обсуждения проекта решения, отражает позицию многолюдного партийного актива, а кроме того, насколько были готовы заводские коммунисты пойти против однозначных установок представителей ЦК.

В ходе голосования почти весь зал поднял руки за предложение Воронина, «против» про-

голосовали лишь пятеро³. В отредактированном постановлении собрания партактива этот пункт звучал следующим образом: «Считать, что совершенные бывшим директором завода Зальцманом антипартийные и антигосударственные поступки несовместимы с пребыванием его в рядах ВКП(б). Просить комиссию партийного контроля исключить Зальцмана из рядов ВКП(б)». Представители ЦК ВКП(б) вынуждены были подчиниться требованиям заводских коммунистов: решение партактива было приобщено к партийно-следственному делу И. М. Зальцмана⁴.

Самого Зальцмана на партийный актив не приглашали. Уже во время заседания участники актива стали интересоваться, не присутствует ли здесь Исаак Моисеевич, а если присутствует, то нельзя ли выслушать его мнение? «Почему всё же ЦК партии не нашел нужным пригласить Зальцмана на партийный актив, ведь он же еще не исключен?», – спрашивал один из участников актива. Записки с такими вопросами стекались в президиум конференции к А. П. Панину. Их накопилось немало, и Панин посреди заседания был вынужден выступить со специальным заявлением по этому поводу: «Отвечаю, что товарищ Зальцман на активе не присутствует и делать ему на партийном активе нечего, так как вопрос о Зальцмане решен как о директоре завода. О его непартийных поступках будет еще, как вам уже сообщено, рассматривать Комиссия партийного контроля. А насчет того, чтобы послушать его, то вы его уже достаточно слушали»⁵.

По Челябинску курсировали самые разнообразные слухи о Зальцмане. Одни утверждали, что он назначен директором паровозостроительного завода, другие – что его уже лишили депутатских полномочий, третьи – что ему запретили носить ордена, четвертые высказывали сомнения, что Зальцман сохранит звание Героя Социалистического Труда и воинское звание генерал-майора⁶. На самом деле И. М. Зальцман в это время находился без работы и дальнейшая его судьба решалась в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

М. Ф. Шкирятов не стал менять партийного следователя по «делу Зальцмана»: вести его продолжал А. Я. Новиков. Последнему удалось «накопать» новые материалы, в основном касающиеся незаконного расходования государственных средств и использования директором завода служебного положения в личных целях.

³ Там же.

⁴ Там же, Л. 91; РГАСПИ, Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 470.

⁵ ОГАЧО, Ф. П-124. Оп. 1. Д. 904. Л. 26.

⁶ Там же, Л. 79.

¹ Там же, Л. 71.

² Там же, Л. 86.

Новиков установил, что в 1944 г. по распоряжению И. М. Зальцмана были построены две дачи, на что было потрачено более полумиллиона рублей. Разрешения правительства на это не было, построены дачи были из средств, выделенных на жилищное строительство для рабочих и служащих завода, и за счет средств завода обставлены мебелью. Обслуживание директорской дачи обошлось заводу за период 1944–1949 гг. без малого в 50 тысяч рублей¹.

Помимо этого Новиков выяснил, что в 1945 г. по распоряжению Зальцмана за счет средств завода были изготовлены ковровые сани, а также 20 радиоприемников и 15 радиол для руководящих заводских работников и министерского начальства, в 1946 г. – кожаный бювар с серебряной пластиной для подарка английской делегации, а в 1949 г. проводились затратные работы по переводу автомашины ГАЗ-61 на лыжно-гусеничный ход. Партийные следователи попытались также подвести документальную базу под знаменитое «свадебное дело» – «дело» о расходовании средств завода на свадьбу сына заместителя секретаря парткома А. В. Гончарова. Финансовые документы, подтверждающие расходы, найти не удалось, так как затраченные средства были списаны на приемы у директора и другие общезаводские расходы. Новикову пришлось довольствоваться показаниями работников УРСа завода².

Новиков счел необходимым уточнить все обстоятельства, связанные с расходованием средств на содержание заводской футбольной команды. Картина складывалась следующая. В течение 1946 и 1947 гг. за счет средств завода содержались 22 человека, состоявших в футбольной команде заводского комитета профсоюза. Футболисты получали оклад по линии завкома, а также были зачислены на разные должности в штат цехов и отделов заводоуправления, где им выплачивалась зарплата и выдавались премии. Например, футболист П. Г. Гонгон получал в завкоме зарплату по 800 рублей ежемесячно, а помимо этого как числившийся слесарем в штате управления вспомогательных служб – еще 1200 рублей в месяц. В ходе проверки Министерства государственного контроля было установлено, что, кроме тех сумм, которые были выплачены футболистам разными цехами и отделами (338 843 рубля), по распоряжению Зальцмана команде были выданы денежные и вещевые премии на сумму 52 340 рублей. Всего на содержание футболистов в виде зарплаты, премий, подъемных, командиро-

вочных и так далее заводом было незаконно израсходовано 485 тысяч рублей³.

Проверяющие не пропускали мимо себя никаких, пусть даже кажущихся незначительными на фоне выявленных ранее масштабных злоупотреблений (по сложившейся традиции Зальцману припомнили все большие и малые прегрешения). Партийные следователи, в частности, установили и задокументировали, что Зальцман держал трех дополнительных помощников, числившихся в штате завода и получавших зарплату. Оказалось, что придававший большое значение собственным властным атрибутам «король танков» обустроил приемную депутата Верховного совета СССР, где три помощника исполняли обязанности сотрудников этой приемной.

Кроме того, выяснилось, что в 1944 г. из подсобного хозяйства заводского УРСа И. М. Зальцман без оплаты взял в личное пользование корову. К середине 1949 г. в результате приплода подсобное хозяйство Зальцмана разрослось до двух коров и телят. Корм для скота поставлялся с заводского конного двора, деньги за который директор также не уплачивал⁴.

К обвинениям в адрес И. М. Зальцмана добавились преподношение подарков ленинградскому начальству и оказание материальной помощи Московскому государственному еврейскому театру. Еще до принятия официального решения об отставке И. М. Зальцмана проверяющим от бывшего председателя завкома профсоюза В. Г. Силуянова стало известно о дорогостоящих подарках Зальцмана ленинградскому начальству. Речь шла о подарочном оружии, отделанном золотом и драгоценными камнями, украшенном знаменитой златоустовской гравировкой.

Кроме того, в ходе расследования выяснилось, что «ленинградцам» были вручены еще и золотые часы, приобретенные за счет средств завода. Получателями часов стали первый секретарь обкома и горкома А. А. Кузнецов, второй секретарь горкома Я. Ф. Капустин и председатель горисполкома П. С. Попков [Сушков: 2016(а), С. 332–334].

И. М. Зальцман в Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) категорически отрицал свою причастность к преподношению подарков. Речь в данном случае шла не о банальном незаконном расходовании государственных средств, а о связях И. М. Зальцмана с основными фигурантами так называемого «ленинградского дела»: А. А. Кузнецовым, П. С. Попковым и Я. Ф. Капустиным. Угроза получить в свой адрес полити-

¹ РГАСПИ, Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 413.

² Там же, Л. 412–413.

³ Там же, Л. 412.

⁴ Там же, Л. 413.

ческие обвинения заставила Зальцмана выкручиваться с еще большим усердием, нежели ранее.

Зальцман уверял партийных следователей, что инициатива по изготовлению подарочного оружия членам Военного совета Ленинградского фронта принадлежала заводскому парторгу М. Д. Козину. Его инициатива получила одобрение первого секретаря обкома ВКП(б) Н. С. Патоличева, который в свою очередь согласовал это с наркомом В. А. Малышевым. Получалось, что согласия самого директора завода И. М. Зальцмана не спрашивали. При помощи обкома по заказу Челябинского Кировского завода на златоустовском заводе были изготовлены меч А. А. Жданову, шашки маршалу Л. А. Говорову и А. А. Кузнецову. Кроме подарочного оружия, делегация должна была вручить и специальные грамоты от обкома ВКП(б) и облисполкома, что лишним раз подчеркивало причастность к «подарочному делу» первого секретаря обкома Н. С. Патоличева. Заводская делегация во главе с Козиным выехала в Москву и была принята В. А. Малышевым (только из объяснений Зальцмана непонятно, с какой целью заводскую делегацию принимал Малышев).

Та же делегация при помощи московской конторы Челябинского Кировского завода приобрела золотые часы (то есть по Зальцману получалось, что делегация действовала исключительно по своей инициативе). Из Москвы делегация выехала в Ленинград, где вручила все подарки ленинградскому начальству. Зальцман особо подчеркивал, что лично он в ее состав не входил и находился в это время в Челябинске. «Категорически отвергаю, что я лично вручал подарки в Ленинграде», – писал И. М. Зальцман в заявлении в цеховскую комиссию партконтроля¹.

По версии Зальцмана, подарки были оплачены без его согласия и участия. Собрать необходимые для этого денежные средства первоначально брался заводской парторг: «При изготовлении подарков т. Козин заявил, что, так как это есть желание коллектива, то деньги будут собраны». Однако средства собраны не были и через какое-то время златоустовский завод выставил челябинцам счет. «Финансовый отдел завода без моего ведома этот счет оплатил, равно как и счет за часы», – уверял Зальцман. Себя же он представил даже жертвой всей этой «подарочной истории»: «В 1947 году Министерство госконтроля производило проверку и предъявило мне обвинение в том, что завод оплатил счета. Вопрос был рассмотрен в Правительстве, и за это я получил выговор за подписью товарища Сталина. Я понимаю, что

как коммунист и бывший руководитель завода я несу ответственность за то, что участвовал в этом деле и за то, что завод оплатил счета»².

О том, что госконтроль весьма интересовался личной шашкой Зальцмана, Исаак Моисеевич скромно умолчал. Как тогда, в 1947 г., перед госконтролем, так и ныне в партконтроле Зальцман отрицал приобретение генеральской шашки лично для себя. Тем не менее партийные следователи опросили работников златоустовского завода, которые подтвердили, что шашка для И. М. Зальцмана была изготовлена и передана ему лично бывшим директором завода Н. А. Шердаковым. Следователи разыскали Шердакова, который в свою очередь подтвердил сказанное заводчанами. Заодно следователи выяснили, что златоустовский завод в 1944 г. по заказу Челябинского Кировского завода изготовил еще ряд дорогостоящих подарочных изделий³.

По поводу вручения золотых часов Зальцман тоже, как выяснилось, откровенно лгал. Бывший первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) П. С. Попков, которого в это время еще опрашивали в Комиссии партийного контроля по «ленинградскому делу» (а не допрашивали в госбезопасности), показал, что Зальцман лично в 1945 г. вручил золотые часы ему, Попкову, а также Кузнецову и Капустину⁴.

В зальцмановские рассказы о непричастности к изготовлению подарочного оружия и приобретению золотых часов цеховские партийные следователи, разумеется, не поверили. Цеховские контролеры собирали сведения по крупицам, для укрепления доказательной базы использовали как финансовые документы, так и показания свидетелей⁵. Также они не поверили и в его оправдания по поводу обстоятельств, связанных с оказанием помощи Московскому государственному еврейскому театру.

В ходе следственных мероприятий выяснилось, что Челябинский Кировский завод в 1946 г. предоставил театру пять вагонов леса, три тонны железа, 800 килограммов краски и ряд других остродефицитных материалов. Как и в случае с подарками ленинградскому начальству, обвинения в адрес И. М. Зальцмана выходили за рамки незаконного расходования государственных средств и приобретали четко выраженный политический оттенок. Дело в том, что художественный руководитель и главный режиссер этого

² Там же, Л. 431.

³ Там же, Л. 414.

⁴ Там же, Ф. 17, Оп. 118. Д. 536. Л. 224. 230.

⁵ Там же, Л. 224, 229; Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 414.

¹ Там же, Л. 431–432.

театра Соломон Михайлович Михоэлс (Вовси) – народный артист СССР, лауреат Сталинской премии, один из руководителей Еврейского антифашистского комитета – был признан руководителем еврейского националистического подполья в СССР и в 1948 г. убит сотрудниками госбезопасности, а театр был закрыт «по политическим соображениям» [Пихоя: 1998, С. 75–76; Реабилитация...: 2000, С. 41]¹. Потому партийные следователи с особой внимательностью и тщательностью принялись выяснять, какие связи были у Зальцмана с Михоэлсом.

Еще во время разбирательств в Секретариате ЦК ВКП(б) И. М. Зальцману среди прочего был задан вопрос: не был ли он лично знаком с кем-либо из членов Еврейского антифашистского комитета. Зальцман тогда ответил отрицательно.

Однако в ходе дальнейших проверок выяснилось, что Зальцман вместе с другими работниками завода посещал этот театр в 1946 г., смотрел знаменитый в то время спектакль «Фрейлехс» и Михоэлс принимал его у себя в кабинете. Администрация театра обратилась к Зальцману с просьбой оказать театру помощь строительными материалами, на что директор завода ответил согласием. После этого Михоэлс и Зальцман обменялись телеграммами. В ответной телеграмме И. М. Зальцман писал: «Уважаемый Соломон Михайлович. Вашу телеграмму получил. С удовольствием помогу театру. Прошу выслать представителя. Благодарю за горячий привет. Сердечно приветствую вас. Жму Вашу руку»².

Когда в цеховском партконтроле Зальцману предъявили эти факты и попросили пояснить их, Исаак Моисеевич принялся отрицать свою причастность к произошедшему. На сей раз «козлом отпущения» он решил сделать заместителя коммерческого директора завода Семена Мотвеевича Канеля.

Согласно заявлению Зальцмана, в 1945 г. Канель руководил строительством театра Челябинского Кировского завода. Всё оборудование для театра было получено заводом при содействии Комитета по делам искусств при Совнарком СССР. Всё, кроме комплекта освещения. За недостающим оборудованием комитет направил работников завода именно в еврейский театр, и последний изготовил его. Вместе с тем сам театр обратился к С. М. Канелю (а не к Зальцману) с просьбой «оказать им незначительную помощь». Со слов Зальцмана выходило, что Канель повел

себя в этой ситуации необычайно самоуверенно, словно директором завода был он, а не Зальцман, и при этом директора настоящего постоянно вводил в заблуждение и безбожно интриговал за его спиной. «По рекомендации тов. Канеля на мое имя была прислана телеграмма, которая поступила к тов. Канелю, и им же был подготовлен ответ за моей подписью, – писал в КПК Зальцман. – Как мне докладывал тов. Канель, имелось в виду изготовление 2-х титанов (бачки для подогрева воды), на что я дал согласие. В действительности без моего ведома тов. Канель помог им лесом и краской. Моя вина в том, что я доверил тов. Канель, который отпустил им лес и краску, и за это я несу ответственность»³.

Зальцман уверял, что в еврейском театре за всю жизнь был лишь раз вместе с группой работников завода в количестве 10–12 человек, «тогда же в театре, при выходе, меня познакомили с Михоэлсом, никогда и нигде больше я не встречался с Михоэлсом и другими работниками еврейского театра».

В доказательство своей политической благонадежности И. М. Зальцман доложил в КПК при ЦК ВКП(б) о подарках И. В. Сталину. Бывший директор сообщил, что «по инициативе хозяйственного руководства» (то есть его, Зальцмана, инициативе) на Челябинском Кировском заводе был изготовлен настольный позолоченный письменный прибор с изображением танков и групп танкистов со знаменем Победы. «Этот прибор был лично мною вручен тов. Логинову (секретариат тов. Сталина), – указывал И. М. Зальцман. – Прибор этот находится в музее подарков товарищу Сталину». В то же время по инициативе секретарей Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличева и Л. С. Баранова на златоустовском заводе была изготовлена подарочная шашка И. В. Сталину. Подарок в Москву отвезла делегация во главе с Барановым⁴.

Разумеется, заверения И. М. Зальцмана о том, что «коварный» Канель действовал за его спиной, отправлял с завода вагонами лес и краску, не произвели должного впечатления на партийных следователей. Действия Зальцмана были квалифицированы как «политически недостойное поведение», а также, учитывая его отрицание знакомств с членами Еврейского антифашистского комитета, – как «политическая бесчестность»⁵.

Бывший главный металлург завода Я. Е. Гольдштейн вспоминал, что И. М. Зальцман боготворил театр Михоэлса и, покровительствуя этому

¹ Там же, Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 456; Ф. 17. Оп. 118. Д. 536. Л. 230.

² Там же, Ф. 17. Оп. 118. Д. 536. Л. 225, 230; Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 415, 430.

³ Там же, Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 430.

⁴ Там же, Л. 430–431.

⁵ Там же, Ф. 17. Оп. 118. Д. 536. Л. 225, 230.

театру, распорядился отгрузить в его адрес вагон стройматериалов для ремонта¹. В настоящее время причастность И. М. Зальцмана к оказанию помощи театру сомнению не подлежит, пусть даже если технически она была оказана посредством С. М. Канеля.

Безусловно, помощь любому театру со стороны директора завода И. М. Зальцмана, не исключая Московский государственный еврейский театр, можно было бы расценивать как благое дело. Вне сомнений, что слишком пристальное внимание партконтроля к этому «делу» было обусловлено не столько количеством стройматериалов, отправленных в виде помощи театру, сколько политическими мотивами.

Однако следует обратить внимание на те обстоятельства, при которых И. М. Зальцман сделал очередной «царский подарок». Особо стоит отметить сохраняющуюся в это время на заводе катастрофическую ситуацию с жильем для рабочих. Часто оно пребывало в аварийном состоянии, администрация предприятия сама не имела возможности отремонтировать это жилье и в то же время не могла предоставить материалы для его ремонта силами самих жильцов. «Ведь, смотрите, в 1946 г. проходили выборы в Верховный совет Союза ССР, у нас создались тяжелые условия, особенно в общежитиях, были двухъярусные койки, – вспоминал А. М. Самохвалов на пленуме обкома в 1950 г. – В общежитиях некультурно, грязно. Нельзя было достать кубометра лесу. А что, вы думаете, делал Зальцман с Канелем, подхалимом, которого недавно исключили из партии? Зальцман, когда приезжает в Москву, идет в еврейский театр, а потом заявляет: что-то у вас плоховато, надо театр отремонтировать. По шесть вагонов лесу отправляли в Москву. Факты были известны, а обком партии всячески замазывал их»².

Даже в начале 1949 г. на районно-заводской конференции И. М. Зальцман признавал, что жилищная проблема на заводе остается напряженной: «У нас еще занято под жилье неприспособленные здания и ветхие бараки на пять тысяч квадратных метров, в подвалах – 13 тысяч квадратных метров, в кухнях и ваннах – 8 тысяч квадратных метров»³. На этих тысячах квадратных метров жили тысячи заводчан. «До сих пор, еще со времени войны, проживает в кухнях, ваннах и тамбурах 2300 человек, на подселении – 490

человек, в подвалах – 3400 человек, в производственных и прочих помещениях – 700 человек. На площадях каркасно-засыпных пятидесяти барачных, пришедших в негодность, проживает 5100 человек», – докладывал на заводской партконференции в октябре 1949 г. первый секретарь райкома ВКП(б) А. Г. Ульяненко. Замминистра Махонин, бывший главный инженер завода, на той же конференции возмущался увиденным: «Надо вдуматься: около четырнадцати барачных в уборной на улице света нет и уборное место разрушено так, что там днем провалиться совершенно легко, а не только ночью»⁴.

«Наш цех переживает исключительно тяжелое время, – говорил на февральской (1949 г.) районно-заводской конференции делегат цеха металлоконструкций Ершов. – Исаак Моисеевич Зальцман знает эти хибарки, конурочки, построенные в военное время, когда знал рабочий класс, что строить сейчас громадные здания некогда, надо давать танки. Сейчас перешли на мирный труд, пора обратить серьезное внимание»⁵.

Не только жилье для рабочих, но и важнейшие производственные цеха нуждались в срочном ремонте. Тот же Ершов говорил о состоянии своего цеха: «Цех построен двадцать лет тому назад. Двадцать лет работаю и я, я переживу его. А он развалился. Инспекция предложила немедленно вывести рабочих из него. Знал главный инженер, знал начальник цеха товарищ Белостоцкий. Прислали главного архитектора, поставили тридцать три подпорки, а цех не отремонтировали, и не сегодня-завтра может завалиться и погубить то оборудование [которое в нем находится]. Я считаю, что такое отношение со стороны дирекции завода к нашему цеху совершенно нетерпимо»⁶.

«Точность наших узлов требует абсолютной чистоты, – заявлял на июльском заводском партактиве 1949 г. Варзов – начальник бюро технического контроля второго механического цеха, где собирали танки. – Но, несмотря на наши неоднократные заявления, цех не утеплен, крыша не только протекает, но через нее сыплется песок, и сейчас детали собираются в палатках под брезентом»⁷.

Строительство важнейших объектов соцкультбыта замораживалось порой из-за нехватки каких-то мелочей. Так, осенью 1948 г. остановилась внутренняя отделка больницы в Тракторозаводском районе. По свидетельству председателя

¹ Гольдштейн, Я. Откровенно говоря... Воспоминания, размышления / Я. Гольдштейн. – Челябинск, 1995. – С. 138.

² ОГАЧО, Ф. П-288. Оп. 14. Д. 2. Л. 52.

³ Там же, Ф. П-124. Оп. 1. Д. 896. Л. 105.

⁴ Там же, Д. 897. Л. 27, 94.

⁵ Там же, Д. 896. Л. 43–44.

⁶ Там же, Л. 44.

⁷ Там же, Д. 904. Л. 41.

Челябинского горисполкома А. Н. Беспалова, отделочные работы прекратились из-за неработающей системы отопления. Котельная и отопительная система были смонтированы, но не пущены по причине отсутствия двух моторов и вентиляторов. Это обстоятельство не слишком беспокоило директора завода, того завода, которому так необходима была эта больница¹.

Поэтому в данной обстановке отpravку строительных материалов в распоряжение Московского государственного еврейского театра следует рассматривать как преступное разбазаривание государственных средств со стороны И. М. Зальцмана.

Комиссию партконтроля интересовали не только подарки «ленинградцам» и стройматериалы для театра: И. М. Зальцмана опрашивали и по другим эпизодам «дела». Так, партийные следователи обратили внимание на подробности того совещания 1943 г., о котором на заводском партактиве в июле 1949-го вспоминал И. С. Белостоцкий, где Зальцман высказался в адрес начальников цехов: «Эх, с каким бы наслаждением расстрелял бы из вас человек десять!». Однако Зальцман, разумеется, отрицал сказанное Белостоцким².

Кроме того, следователей интересовали взаимоотношения И. М. Зальцмана с молодыми работницами завода. Еще на июльском заводском партийном активе в адрес А. П. Панина поступила записка: «Почему ничего не сказано о бытовом разложении Зальцмана?» Панин ответил, что комиссия ЦК фактами и материалами о «бытовом разложении» Зальцмана не располагает, а отдельные разговоры, которые доходили до ее членов, не находили подтверждения. Панин пообещал внести ясность в этот вопрос³.

Ясность сумели внести сотрудники партконтроля, которые (следует полагать, не без помощи заводчан) собрали достаточно доказательств того, что И. М. Зальцман добивался близости со многими молодыми женщинами, работавшими на заводе, и оказывал им за это материальное вознаграждение. Зальцман и здесь всё отрицал, признавая за собой лишь фривольное поведение по отношению к девушкам, что и послужило, по его мнению, поводом для распространения слухов о его «моральной нечистоплотности».

Изворотливость Исаака Моисеевича была хорошо известна. С трибуны заводского партактива в июле 1949 г. начальник охраны завода Николай

Семенович Косьяненко рассказывал, как вел себя И. М. Зальцман на заседании Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в 1948 г.: «Но там, в ЦК партии [Зальцман] вел себя как котик шаловливый перед товарищем Шкирятовым, врал всё от начала и до конца. Меня коробило, что в высшем органе нашей партии, Центральном комитете он говорил чушь»⁴.

Когда нужно было, Зальцман мог предстать пред начальственным оком невероятно кротким, послушным и исполнительным. «Зальцман в Москве и Зальцман в Челябинске – это разные люди, – писал в заявлении в июле 1949 г. начальник плано-экономического отдела завода Г. Б. Каплан. – Если здесь он лев, то там он ягненок. Этот контраст настолько разителен, что становилось стыдно, когда я видел Зальцмана, разговаривающего с товарищем, стоящим выше его по положению. Он просто терял чувство собственного достоинства»⁵.

На сей раз игра Зальцмана в Комиссии партийного контроля, его заверения, что в партии он неслучайный человек, просьбы к Шкирятову оказать ему доверие как коммунисту и дать возможность на практической работе исправить допущенные ошибки во внимание приняты не были⁶.

Ответственный контролер КПК при ЦК ВКП(б) А. Я. Новиков результаты расследования изложил в записке на имя М. Ф. Шкирятова. На 10 с небольшим листах партийный следователь привел обвинения в адрес И. М. Зальцмана, а именно: издевательское отношение к подчиненным; антипартийное отношение к местным партийным структурам; «засорение аппарата заводоуправления и некоторых цехов сомнительными людьми и проходимцами» (где описывались в том числе «дела» Литвака и Равинского [Сушков: 2014, С. 112]); покровительство лицам, совершавшим злоупотребления; другие «антипартийные поступки» (прописка и трудоустройство сестры [Сушков: 2016(b), С. 344], помощь театру Михоэlsa); приписки, незаконное расходование государственных средств и злоупотребление служебным положением (изготовление генеральской шашки для себя, строительство дач, изготовление радиоприемников и радиол, ковровых саней, переделка ГАЗ-61, «свадебное дело», содержание футбольной команды и так далее); недостойное поведение в быту. Нужно сказать, что в записке отсутствовали обвинения в адрес Зальцмана за подарки ленинградскому начальству.

¹ Там же, Д. 896. Л. 90.

² РГАСПИ, Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 419.

³ ОГАЧО, Ф. П-124. Оп. 1. Д. 904. Л. 79.

⁴ Там же, Л. 23.

⁵ Там же, Л. 113–114.

⁶ РГАСПИ, Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 429.

За основу Новиков взял записку комиссии П. К. Пономаренко на имя И. В. Сталина, из которой были изъяты данные о технико-экономических показателях работы предприятия, а остальные сведения были уточнены и дополнены, в том числе высказываниями коммунистов на заводском партийном активе в июле 1949 г.¹ Был подготовлен и краткий вариант записки, примерно в два раза меньший по объему. В него были включены обвинения в преподнесении драгоценного оружия и золотых часов «ленинградцам» (следует полагать, что эти материалы не попали в предыдущую развернутую записку по недосмотру)².

Особо следует подчеркнуть, что А. Я. Новиков не стал делать акцент на подарках «ленинградцам» и стройматериалах для театра Михоэlsa: эти обвинения были поставлены в один ряд с другими «антипартийными действиями в расходовании государственных средств», такими как устройство свадьбы сына Гончарова, строительство и содержание дачи и так далее. Тем не менее М. Ф. Шкирятов (возможно, по предварительному согласованию с Г. М. Маленковым) рассудил по-своему. В итоге именно эти два «дела» легли в основу обвинений в адрес И. М. Зальцмана, оформленных в виде решения КПК при ЦК ВКП(б).

6 сентября 1949 г. бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) приняло решение под наименованием «О недостойном поведении Зальцмана Исаака Моисеевича (член ВКП(б) с 1928 года, п[артийный] б[илет] № 3010124)». Оно было сформулировано следующим образом: «Проверкой установлено, что Зальцман И. М., будучи директором Кировского завода (г. Челябинск), несмотря на неоднократные предупреждения партийных органов в связи с фактами нетерпимого, издевательского отношения его к подчиненным работникам, продолжал вести себя недостойно советского руководителя, – допускал грубо оскорбительное, унижающее достоинство советских людей обращение с подчиненными, а также в аппарате заводоуправления и предприятия окружил себя людьми, не заслуживающими политического и делового доверия, и при их разоблачении защищал этих негодных людей.

После снятия Зальцмана с работы директора Кировского завода дополнительно установлены факты политически недостойного его поведения и расточительного расходования государственных средств: в нарушение советских законов отпустил Московскому еврейскому театру большое

количество строительных материалов из фондов предприятия; за счет завода затратил значительные суммы на приобретение ценных подарков для некоторых бывших ленинградских руководителей.

За недостойное поведение исключить Зальцмана И. М. из рядов ВКП(б)»³.

Таким образом, политическая конъюнктура взяла верх над объективной реальностью. Желая подчеркнуть тяжесть проступков обвиняемого, цеховское начальство решило, чтобы в итоговом документе об исключении Зальцмана из партии так или иначе прозвучали два крупных политических процесса последнего времени. В то же время «за кадром» остались такие важные обвинения, как многочисленные злоупотребления служебным положением и незаконное расходование средств.

Вместе с тем действия И. М. Зальцмана были квалифицированы лишь как политически недостойное поведение, что стояло в одном ряду с потерей политической бдительности. Речь об устойчивых связях, постоянных контактах и каких-либо совместных действиях с ленинградским начальством и руководством Московского еврейского театра не шла. В противном случае такие обвинения практически неизбежно привели бы к уголовному преследованию в отношении И. М. Зальцмана.

Решение КПК подлежало утверждению на Секретариате ЦК ВКП(б). По всей видимости, Зальцман не был в курсе того, что КПК уже приняла решение об исключении его из партии, так как 16 сентября написал заявление на имя зампреда КПК М. Ф. Шкирятова и члена КПК А. П. Леонова, о котором ранее уже говорилось, где изложил свое видение истории с подарками ленинградскому начальству и со стройматериалами для театра Михоэlsa. Зальцман просил оставить его в партии: «Я понимаю, что мною допущены большие и тяжелые ошибки, за что я должен понести строгое наказание, но я для партии не случайный человек. С 16 лет я вступил в комсомол. Отец мой был портным. Вся семья коммунисты и комсомольцы. До института я работал на руководящей комсомольской работе. В политехническом институте несколько раз избирался секретарем комсомольского комитета и секретарем партбюро. По окончании института меня послали на Путиловский завод, где уже работаю 16 лет, начиная от сменного мастера, и больше десяти лет – директор завода. За время пребывания в комсомоле и за 21 год пребывания в партии я не имел никаких пар-

¹ Там же, Л. 410–420.

² Там же, Ф. 17. Оп. 118. Д. 536. Л. 226–231.

³ Там же, Л. 223.

твзысканий. Прошу Вас оказать мне доверие как коммунисту и дать мне возможность на практической работе исправить допущенные ошибки»¹.

Просьбы И. М. Зальцмана, его доводы, что ранее партвзысканий не имел, в расчет приняты не были. 17 сентября 1949 г. Секретариат ЦК ВКП(б) утвердил принятое 6 сентября решение бюро КПК о И. М. Зальцмане. Он был исключен из партии².

Несмотря на то, что в настоящее время документы об участии И. В. Сталина в «деле Зальцмана» неизвестны, можно утверждать, что решение о виде и мере наказания И. М. Зальцмана принималось первым лицом государства. Сталин счел достаточным наказанием для Зальцмана смеще-

¹ Там же, Ф. 589. Оп. 3. Д. 5875. Л. 429.

² Там же, Ф. 17. Оп. 116. Д. 462. Л. 61.

ние с занимаемой должности и исключение из партии. Если бы последовала его политическая воля «привязать» «дело Зальцмана» к «ленинградскому делу» или «делу Еврейского антифашистского комитета», то специалистам из госбезопасности понадобились бы считанные дни, чтобы выбить из Зальцмана нужные показания. Поскольку такого указания не последовало, мало того, за Зальцманом были сохранены все государственные награды, равно как и статус депутата Верховного совета СССР II созыва (выборы Верховного совета СССР III созыва были не за горами), можно сделать следующий вывод: Сталин не ставил под сомнение выдающиеся заслуги И. М. Зальцмана в организации танкового производства в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Гвоздецкий, В. Л. И. М. Зальцман – крупнейший советский танкостроитель. По страницам биографии / В. Л. Гвоздецкий // Юбилейная научная конференция, посвященная 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. – М., 2010. – С. 146–155.
2. Герваш, А. Танковый нарком / А. Герваш // Труд. – 1988. – 13 октября. – С. 4.
3. Костырченко, Г. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие: документальное исследование / Г. Костырченко. – М., 1994. – 400 с.
4. Костырченко, Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм / Г. В. Костырченко. – М., 2003. – 784 с.
5. Михалёв, Н. А. «Зальцману законы не писаны, у Зальцмана свои законы». Коррупция на Челябинском Кировском заводе во второй половине 1940-х годов / Н. А. Михалёв, А. В. Сушков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 22 (351). – История. Вып. 61. – С. 107–116.
6. Михалёв, Н. А. «Я считаю для себя позором состоять членом такого райкома!» И. М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов / Н. А. Михалёв, А. В. Сушков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015(с). – № 14 (369). – История. Вып. 64. – С. 94–108.
7. Пихоя, Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 / Р. Г. Пихоя. – М., 1998. – 736 с.
8. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачев, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. – М., 2000. – Т. 1. – 503 с.
9. Самуэльсон, Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953 / Л. Самуэльсон. – М., 2010. – 375 с.
10. Сушков, А. В. «Дело танкового короля» Исаака Зальцмана: золотые часы и драгоценное оружие для ленинградских товарищей / А. В. Сушков // Гороховские чтения : материалы седьмой региональной музейной конференции / под ред. Н. А. Антипина. – Челябинск, 2016(a). – С. 332–334.
11. Сушков, А. В. «Зальцман чувствует себя вождем». И. М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов / А. В. Сушков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015(a). – № 24 (379). – История. Вып. 66. – С. 78–90.
12. Сушков, А. В. «И бояться... как бы Зальцман не стер в порошок!» И. М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов / А. В. Сушков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2015(b). – № 24 (379). – История. Вып. 66. – С. 91–109.
13. Сушков, А. В. «Ты брось эти штучки, у меня есть на кого опереться...» И. М. Зальцман и челябинская партноменклатура во второй половине 1940-х годов / А. В. Сушков // Гороховские чтения : материалы седьмой региональной музейной конференции / под ред. Н. А. Антипина. – Челябинск, 2016(b). – С. 335–346.
14. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост.: В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко и др. – М., 2004. – 496 с.

15. Шнейвайс, Р. Как Сталина оставили без сабли: за что исключили из партии и сняли с работы первого директора Танкограда Исаака Зальцмана / Р. Шнейвайс // Челябин. рабочий. – 2000. – 25 февраля. – С. 7.

Сведения об авторе

Сушков Андрей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия.
suschkow@mail.ru

Magistra Vitae.

2017. No 1. P. 33–50.

ON THE ‘CENTRAL COMMITTEE’ CARPET: THE ‘ZALTSMAN CASE’ UNDER CONSIDERATION BY THE PARTY CONTROL COMMISSION OF THE CENTRAL COMMITTEE OF CPSU(b). 1949

A. V. Sushkov

*Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences, Yekaterinburg, Russia.
suschkow@mail.ru*

In July 1949 the case of I. M. Zaltsman, former director of the Chelyabinsk Kirov plant, was submitted to the Party Control Commission of the Central Committee of the CPSU(b). The party investigators supplemented the prior accusations against Zaltsman with information about illegal spending of state funds, including expenditures on personal enrichment. Among others there were charges of presenting expensive gifts to former Leningrad leaders and material assistance to the Moscow State Jewish Theater. These were the charges that became key ones in the Bureau of the Commission decision to expel Zaltsman from the Party. The chiefs of the Central Committee decided to use major political cases of recent times in the final resolution. They wanted to emphasize the gravity of Zaltsman's misdeeds and did so for political reasons. At the same time I. M. Zaltsman's actions were qualified only as politically disgraceful behaviour. He was not subjected to criminal prosecution. Zaltsman was dismissed from the position of director and deprived of a Party-membership card. He was appointed to the post of an ordinary engineer. Stalin considered it as enough punishment for Zaltsman. The Soviet leader did not sanction the criminal prosecution against Zaltsman.

Keywords: *I. M. Zaltsman, the Party Control Commission of the Central Committee of CPSU(b), party and state system of government, «late stalinism» period, city of Chelyabinsk, Chelyabinsk Kirov plant.*

References

1. Gvozdeckij V.L. I.M. Zal'cman – krupnejshij sovetskij tankostroitel'. Po stranicam biografii [I.M. Zaltsman – the largest Soviet tank-builder. Biography pages]. *Jubilejnaja nauchnaja konferencija, posvjashhenaja 65-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Jubilee scientific conference dedicated to the 65th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War]. Moscow, 2010. Pp. 146–155. (In Russ.).
2. Gervash A. Tankovyj narkom [Tank commissar]. *Trud* [Work], 1988, Oktober 13, p. 4. (In Russ.).
3. Kostyrchenko G. *V plenu u krasnogo faraona. Politicheskie presledovaniya evreev v SSSR v poslednee stalinskoe desjatiletie: dokumental'noe issledovanie* [In captivity of the red pharaoh. Political persecution of Jews in the USSR in the last Stalinist decade: documentary research]. Moscow, 1994. 400 p. (In Russ.).
4. Kostyrchenko G.V. *Tajnaja politika Stalina: vlast' i antisemitizm* [Stalin's secret policy: the power and anti-Semitism]. Moscow, 2003. 784 p. (In Russ.).
5. Mikhalev N.A., Sushkov A.V. «Zal'cmanu zakony ne pisany, u Zal'cmana svoi zakony». Korrupcija na Cheljabinskom Kirovskom zavode vo vtoroj polovine 1940-h godov [«Zaltsman is an outlaw, Zaltsman has his own laws». Corruption at the Chelyabinsk Kirov plant in the second half of the 1940s]. *Vestnik*

Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk state university], 2014, no. 22 (351), vol. 61, pp. 107–116. (In Russ.).

6. Mikhalev N.A., Sushkov A.V. «Ja schitaju dlja sebja pozorom sostojat' chlenom takogo rajkoma!» I.M. Zal'cman i cheljabinskaja partnomenklatura v seredine 1940-h godov [«It shames me to be a member of such district committee!» I.M. Zaltsman and Chelyabinsk party nomenclature in the mid-1940s]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state university], 2015, no. 14 (369), vol. 64, pp. 94–108. (In Russ.).

7. Pihaja R.G. *Sovetskij Sojuz: istorija vlasti. 1945–1991* [The Soviet Union: the history of power. 1945–1991]. Moscow, 1998. 736 p. (In Russ.).

8. Artizov A.N., Sigachev Ju.V., Hlopov V.G., Shevchuk I.N. (eds.). *Reabilitacija: kak jeto bylo. Dokumenty Prezidiuma CK KPSS i drugie materialy* [Rehabilitation: how it was. Documents of the Presidium of the CPSU Central Committee and other materials], vol. 1. Moscow, 2000. 503 p. (In Russ.).

9. Samujel'son L. *Tankograd: sekrety russkogo tyla, 1917–1953* [Tankograd: Russia's home front secrets]. Moscow, 2010. 375 p. (In Russ.).

10. Sushkov A.V. «Delo tankovogo korolja» Isaaka Zal'cmana: zolotye chasy i dragocennoe oruzhie dlja leningradskih tovarishhej [Isaac Zaltsman's «the Case of the Tank King»: gold watch and precious weapons for Leningrad comrades]. Antipin N.A. (ed.). *Gorohovskie chtenija: materialy sed'moj regional'noj muzejnoj konferencii* [Gorokhovsky readings: materials of the Seventh Regional Museum Conference]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 332–334. (In Russ.).

11. Sushkov A.V. «Zal'cman chuvstvuet sebja vozhdjom». I.M. Zal'cman i cheljabinskaja partnomenklatura v seredine 1940-h godov [«Zaltsman feels like a leader». I.M. Zaltsman and Chelyabinsk party nomenclature in the mid-1940s]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state university], 2015, no. 24 (379), vol. 66, pp. 78–90. (In Russ.).

12. Sushkov A.V. «I bojatsja... kak by Zal'cman ne stvor v poroshok!» I.M. Zal'cman i cheljabinskaja partnomenklatura v seredine 1940-h godov [«And they fear... Zaltsman would carve them into mincemeat!» I.M. Zaltsman and Chelyabinsk party nomenclature in the mid-1940s]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state university], 2015, no. 24 (379), vol. 66, pp. 91–109. (In Russ.).

13. Sushkov A.V. «Ty bros' jeti shtuchki, u menja est' na kogo operet'sja...» I.M. Zal'cman i cheljabinskaja partnomenklatura vo vtoroj polovine 1940-h godov [«Quit that crap! I have people to rely on...» I.M. Zaltsman and the Chelyabinsk party nomenclature in the second half of the 1940s]. Antipin N.A. (ed.). *Gorohovskie chtenija: materialy sed'moj regional'noj muzejnoj konferencii* [Gorokhovsky readings: materials of the Seventh Regional Museum Conference]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 335–346. (In Russ.).

14. Denisov V.V., Kvashonkin A.V., Malashenko L.N. and etc. (eds.). *CK VKP(b) i regional'nye parti-jnye komitety. 1945–1953* [CPSU(b) CC and the Regional Party Committees in 1945–1953]. Moscow, 2004. 496 p. (In Russ.).

15. Shnejvajs R. Kak Stalina ostavili bez sabli: za chto iskljuchili iz partii i snjali s raboty pervogo direktora Tankograda Isaaka Zal'cmana [How Stalin was left without sabre: why was the first Tankograd director Isaac Zaltsman expelled from the party and removed from the work]. *Cheljabinskij rabochij* [Chelyabinsk Worker], 2000, February 25, p. 7. (In Russ.).